

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Синдром Бреггера

Рассказ написан по просьбе и на основе идеи KNUD)))

Дверь анакамеры медленно поднялась, лампочки, мигавшие над моей головой, погасли, стихло назойливое пиканье. Я потянулся, зевнул, затем рывком сел. Боковая стенка камеры плавно опустилась.

— Доброе утро, лейтенант, — раздался прямо в моей голове приятный женский голос.

Я чертыхнулся, резко выдернул из ушей наушники и поставил ноги на пол. Тут же включилась деликатная подсветка и из динамика под потолком полилась тихая мелодия. Электронное табло над дверью показывало 87:21.

Есть хочется...

По-прежнему потягиваясь и зевая, я пошлепал босиком в кают-компанию. Разумеется, разгуливать по кораблю босиком и в неглиже не принято, но — кто ж меня увидит? Все спят анабиотическим сном. Я бы тоже спал, но пришла моя очередь подняться и размять мышцы — во избежание атрофии и кислородного голодания. А заодно и голодной смерти.

Наш корабль довольно старая посудина. На новых моделях установлены анакамеры с вибромассажем и системой жизнеобеспечения, обслуживаются они специально сконструированными роботами и всего экипажа там капитан да техник, которые следят лишь за состоянием оборудования и просыпаются только при входе в атмосферу. Однако такие корабли стоят чертовски дорого, поэтому руководство компании не торопится обновлять парк. А нам по старинке приходится просыпаться каждые пятьдесят часов.

— Доброе утро, лейтенант, — она выступила из ниши за дверью кают-компании, едва ее датчики движения засекли меня. — Что-нибудь желаете?

— Привет, Стеф, кофейку мне сделай.

Она бесшумно развернулась к кофеварке.

А вот со Стеф нам повезло. Хотя, наверное, не видать бы нам ее как своих ушей, если бы ее разработчик не был близким другом нашего шефа, и если бы он не предложил нам ее в качестве эксперимента совершенно бесплатно.

Официально мы ее взяли для обслуживания моторного отсека. Обычные андроиды не могут туда даже проникнуть, не говоря уже о каких-то манипуляциях — люк там всего сто двадцать дюймов, не всякий человек протиснется, а у роботов очень жесткий каркас. В их позвоночнике всего пять шарниров — место соединения шеи с головой, место соединения шеи с плечами, два в грудном отделе и один в поясничном. Для обычных операций больше и не нужно. Но для того, чтобы проникнуть в узкое пространство этого недостаточно.

Конструкция Стеф совершенно другая. Ее скелет очень напоминает человеческий — между титановыми позвонками имеются прокладки из остигласса, при помощи того же материала крепятся к позвоночнику ребра, что придает ее телу почти человеческую гибкость, которая сочетается с роботической силой и покладистостью. Да, ее создатель настоящий гений. Он изобрел этот материал, который по своей структуре напоминает нечто среднее между костной и хрящевой тканью, но в сотни раз прочнее на износ и устойчивее к раздавливанию.

А кроме подвижного скелета, он снабдил свое творение и другими признаками человека — вполне приятной внешностью, нежным чуть мурлыкающим голосом и человеческой анатомией. Именно благодаря последнему факту Стеф быстро стала любимицей всей

мужской части нашего коллектива, потому что единственной живой женщиной на корабле была капитан Нэнси Салливан — дамочка крайне истеричного нрава, из-за которого больше всего страдала, прежде всего, она сама...

Стеф поставила передо мной чашечку с кофе и блюдце с тостами и направилась в свою нишу. — Погоди, Стеф, — это, пожалуй, единственное неудобство при общении с роботами — к каждой фразе надо добавлять кодовое слово. Да, Стеф — это не имя, а именно такое слово. Она развернулась и опустилась передо мной на колени.

И да, фраза «Погоди, Стеф» это команда — команда сделать мне минет. Мы специально ее так запрограммировали. Капитан Салливан обычно говорит: «Постой» и всегда забывает добавить кодовое слово. Мне иногда кажется, что она воспринимает Стеф как живого человека, возможно, даже как свою дочь. Поэтому наши забавы с этой безумно сложной электронной куклой она не одобряет...

М-м-м-м... а ведь какая замечательная идея поручить работу, которая слишком сложна или опасна для человека, роботу. М-м-м-м... есть во всем этом какая-то магия. Вот стоит она передо мной на коленях, такая услужливая и покорная, а внутри у нее заключена такая сила... м-м-м-м... вот эти пальчики, которые сейчас так нежно и умело играют на моей «дудочке» — я ведь сам видел, с какой легкостью они отвинчивают намертво припаявшиеся гайки, с какой смертоносной грацией снимают обшивку реактора и разбивают трехдюймовое стекло. А сейчас... а-а-а-ах... Да, тот, кто ее придумал, чертов гений!

— Великолепно, детка... — она не ответила. Ее программой предусмотрено не отвлекаться, пока она не закончит... о, о, ох... то есть, пока я не закончу...

— Спасибо, Стеф, — я провел рукой по ее волосам — почти как настоящие, даже немного мягче. Она аккуратно натянула на меня белье и поднялась на ноги. — Сигарету, Стеф.

Она подала мне сигарету и чуть сжала двумя пальцами ее кончик. Я почувствовал во рту горьковатый дым. Она кивнула (или просто качнула головой) и вернулась в свою нишу.

Я не спеша допил свой кофе, доел остывшие тосты, затушил сигарету во встроенной в стол пепельнице и направился на пульт управления. Стеф бесшумно последовала за мной.

Это еще одна причина, по которой мы вынуждены просыпаться каждые пятьдесят часов. Как я уже говорил, наш корабль — очень старая посудина, а его программное обеспечение, наверное, вообще из прошлого века.

Новые корабли оснащены миллионом датчиков, которые считывают информацию снаружи, внутри, программа учитывает чертову кучу факторов, рассчитывает все мыслимые и немыслимые коэффициенты в миллисекунды и, по сути, не нуждается в пилоте.

Единственное, что требуется это периодически проверять исправность датчиков, но с простейшей панелью, на которой их состояние отмечается разноцветными светодиодами, с такой задачей справится и ребенок. Ладно, иногда эти датчики нужно менять, но для этого даже не обязательно выходить в открытый космос — вся аппаратура установлена под внешней обшивкой, доступ туда из специального коридора обслуживания, а место нахождения неисправного инструмента чертов ИИ отмечает специальными стрелками. Для полных кретинов.

А наш корабль для интеллектуалов-мазохистов. Программа, написанная, наверное, еще до моего рождения, в изначальном виде рассчитывала только технические параметры корабля, первую и вторую ступени и примерную траекторию полета по примеру школьной задачки по математике — точка А, точка Б, а между ними прямая. Такая навигация подходит для

путешествия на малые расстояния — в пределах солнечной системы и то приходится вручную лавировать между астероидами и космическим мусором. Но когда тебе предстоит лететь на другой конец галактики, когда у тебя на борту особо ценный и хрупкий груз или когда ты везешь пассажиров, таких маневров лучше избегать. Поэтому к изначальной программе постепенно подключили с полсотни датчиков, о неисправности которых мы должны были догадываться сами и при необходимости выходить в открытый космос для их замены, дописали километры программного кода, который обрабатывал данные с датчиков и рассчитывал поправочные коэффициенты, следил за состоянием атмосферы в помещениях и за нашим состоянием в анакамерах. Да, исходная программа вообще не оценивала самочувствие экипажа. Разумеется, все эти дополнительные функции писались на месте, часто чуть ли не на коленках, многие были не отлажены и нуждались в постоянных правках. Поэтому у нас на борту был штатный программист. Джо Паттерсон — толковый парень, но зеленый. Хотя мы все ему благодарны — это же он нам программировал Стеф.

Я вошел в пультовой отсек. Стеф вошла следом за мной и остановилась в нише у двери. У стола центрального пульта управления на коленях стоял Джо. Казалось, он спал. Странно, это же не его смена. Я подошел к нему поближе. Голова его покоилась на скрещенных руках, глаза были закрыты, губы застыли в блаженной улыбке. А под его коленями была большая и почти высохшая лужа крови. — Когда просыпался Паттерсон, Стеф? — спросил я, приложив пальцы к его шее. Холодный, и пульса нет...

— Три часа семнадцать минут и тридцать две секунды, — ответила она.

— Буди остальных... — тихо проговорил я, но тут же спохватился. — Стеф...

Она подошла к панели управления анакамерами, набрала код пробуждения и короткое сообщение — оно будет передано каждому члену экипажа через наушники.

Уже пять минут спустя дверь пультовой открылась:

— Лейтенант Бреггер, почему в пультовой в таком виде? — раздался за мой спиной резкий голос капитана. — Почему...? — она вдруг осеклась. — Паттерсон...

Я обернулся к ней с удивлением — в ее голосе зазвучали нотки, которых раньше я там никогда не слышал. На глазах капитана были слезы, ее нижняя губа дрожала, а лицо покраснело.

— Капитан? — я поднялся с пола.

Она, будто опомнившись, отвернулась и вдруг всхлипнула:

— Что... здесь произошло?

— Я не знаю, — я пожал плечами. — Была моя смена. Я вошел в пультовую и нашел его...

Она снова всхлипнула и покачнулась.

— Бренди капитану, Стеф, — скомандовал я.

Стеф участливо подхватила капитана под руку и вывела ее из отсека. Когда дверь уже закрывалась, я услышал вой. Бедная тетка, вздохнул я и снова склонился над телом.

Откуда столько крови? Явных повреждений видно не было, хотя я не решился трогать его до прихода доктора...

Да, на нашей жестянке есть свой бортовой врач. Это не просто удивительно, это дико. Все медицинские манипуляции уже давно производят специальные роботы, причем, не только на космических кораблях. Даже на нашей родной Земле люди работают только психотерапевтами и то, говорят, уже ведется разработка робота, который бы мог вести консультационный прием. Все остальное — хирургические операции, рутинные осмотры,

анализы и функциональные исследования — этим давно занимаются машины. В больницах люди работают только техниками.

А у нас на корабле был врач, майор Джеймсон. Мрачный тип. Военный пенсионер, якобы разжалованный в майоры из-за какой-то грязной истории. Наш шеф его откровенно боялся, и, честно говоря, мы тоже его опасались — лишний раз не беспокоили в его каюте, да и вообще старались как можно реже попадаться ему на глаза. В дальнем перелете это несложно — мы просыпаемся по очереди, каждый в свою смену. Ну, кроме вот таких вот исключительных случаев...

— Что здесь произошло? — при звуке его голоса я невольно выпрямился и приложил руку к голове. — Вольно. Докладывайте.

Майор был при полном параде — в мундире, с фонендоскопом на груди и небольшим белым чемоданчиком в руках.

— Вот, — я указал на труп Паттерсона.

— По форме доложите, — нахмурил майор густые брови.

Я вытянулся по струнке:

— Разрешите доложить, сэр. Проснувшись в свою смену, я направился в кают-компанию на завтрак, затем явился на пульт управления для выполнения проверки курса и введения поправочных коэффициентов. И обнаружил здесь труп сержанта Паттерсона. Я отдал команду роботу Стеф разбудить экипаж, уточнил время выхода из анабиотического сна сержанта Паттерсона и произвел первичный осмотр места происшествия. Ничего подозрительного не обнаружил.

— Когда он проснулся? — майор кивнул и склонился над телом.

— Около трех часов назад, — сказал я и последовал его примеру.

Он снова кивнул, поставил на пол свой чемоданчик и раскрыл его. Надел медицинские перчатки, тщательно расправив все складочки, и аккуратно приподнял и повернул голову Паттерсона.

— Судя по состоянию тела, умер он около двух часов назад, — сказал он, вернув голову в исходное положение. — Точнее смогу сказать, когда измерю температуру внутренних органов. Помогите мне, — он протянул мне пару перчаток, а затем взял труп под левую руку. Я взял под правую, и мы аккуратно уложили его на спину.

— Лейтенант Бреггер, идите оденьтесь, а я пока осмотрю тело. Потом мне понадобится ваша помощь для того, чтобы перенести его в мою каюту, — тихо проговорил майор.

— Есть, сэр, — сказал я. — Только... — я обернулся уже у двери, — зачем к вам в каюту? Было бы правильнее уложить его в анакамеру — это должно замедлить процесс разложения...

— Ну, я же не могу производить вскрытие в анакамере, — он вынул из чемоданчика термометр с длинным острым наконечником и одним четким движением вогнал его в живот Паттерсона.

— А разве мы не должны получить разрешение его родственников?

— Нельзя медлить, Бреггер. Если мы будем ждать разрешения, еще кто-нибудь может пострадать. А если они его не дадут?

— Майор, — я прищурился, — вы полагаете, что это еще не конец?

— Я боюсь, лейтенант, что Паттерсон лишь первая ласточка...

Я кивнул и бегом направился в свою каюту.

Плохо дело. Вообще-то я уже слышал о таком. Не знаю, может, это просто слухи, но... В

общем, поговаривают, что когда в космос запустили первый корабль дальнего перелета, он так и не достиг места назначения. По слухам, связь с ним была утрачена на десятки суток корабельного времени, а последнее сообщение от команды говорило о том, что кто-то из них свихнулся и начал убивать всех подряд. Вроде как именно после этого случая было введено понятие космического психоза, а команды перед вылетом на большие расстояния подвергали тщательному обследованию. Якобы члены экипажей подбирались специальным компьютером, который анализировал результаты многочисленных тестов...

По-моему, все это чушь собачья, потому как лично я совершил уже десять полетов средней и большой дальности и никогда никаких тестов не сдавал...

По дороге обратно в пультуевой отсек уже в форме я заглянул в кают-компанию. Капитан сидела спиной к двери, сторбившись. Рядом с ней сидела Стеф и совсем по-человечески гладила ее по плечам и голове. Напротив лицом к двери сидели техник Джон Барнс, младший программист Рон Дьюзи и его брат-близнец грузчик Том. Еще два матроса Гейб и Стоун стояли возле кофеварки. И мерил отсек широкими шагами помощник капитана Сол Грей.

— Бреггер, ну, что там? — Сол заметил меня первым.

— Явных повреждений нет. Майор Джеймсон говорит, что... — я замаялся. Мне совсем не хотелось произносить это страшное слово при капитане, — это произошло около двух часов назад...

— Ты сейчас к нему? — помощник капитана скрестил руки на груди.

Капитан повернула ко мне заплаканное лицо.

— Да...

— Как только что-то будет... — теперь вся команда смотрела на меня с каким-то утрюмым интересом.

— Да, я сразу сообщу...

И я выскочил в коридор, пожалуй, быстрее, чем было нужно. Но атмосфера, царившая в кают-компании, меня откровенно испугала. Что-то во всем этом было такое недоброе...

В пультуевой майор уже снял с тела Паттерсона футболку и внимательно осматривал при помощи фонарика и лупы его грудь и плечи.

Когда я вошел, он поднял на меня глаза:

— Как вы думаете, Бреггер, что это? — он указал лучом фонарика на темно-красные полукруглые отметины на плечах умершего — четыре на правом и три на левом.

— Понятия не имею, — я натянул предложенные мне перчатки и опустился на колени у правой руки труп.

— Следы от ногтей, — ухмыльнулся майор.

— И что это значит? — я нахмурился.

— Очевидно, кто-то удерживал его за плечи. Причем сзади.

— Зачем?

— Видимо, чтобы не вырывался.

— Вы намекаете... ? — я посмотрел на него с подозрением.

Он несколько раз задумчиво кивнул:

— Поможете снять с него штаны?

Вместо ответа я обхватил покойника за талию и приподнял над полом. Майор медленно стянул его одежду за штанины.

Ноги Паттерсона были в крови, запекшаяся кровь запуталась и в волосах на его лобке.

Майор развел его бедра шире, посветил фонариком...

— Переверните на живот.

Я выполнил это указание, и мой желудок сжался — между ягодиц парня зияла огромная кровавая рана. Майор побледнел, пару секунд мешкал, затем, будто собравшись с мыслями, коснулся пальцами в перчатках разорванного в клочья заднего прохода мертвеца. — Вот вам и причина смерти, — вздохнул он с горечью.

Я встал на ноги и отвернулся к стене.

— Кто... ? — больше я ничего не смог из себя выдавить — меня душили тошнота и ярость.

— Нужно... взять образцы подногтевого содержимого у всех членов экипажа... и проверить белье — кровь из него хлестала, поэтому убийца не мог не испачкаться...

Я снова кивнул и стянул с правой руки перчатку.

Майор опять раскрыл свой чемоданчик, пару секунд копошился в нем, но я не оборачивался — зрелище изувеченного парня все еще стояло у меня перед глазами. Затем он взял мою руку, провел какой-то палочкой под ногтями на всех пальцах и вернулся к своему скарбу.

— Белье отдадите позже, — вздохнул майор. — А пока принесите, пожалуйста, какую-нибудь простынь — его надо накрыть.

— Вскрывать будете? — я уже отошел к двери.

— Смысла нет — и так все очевидно.

— Хорошо, — я вздохнул, — кого к вам прислать?

— Неважно... только не сюда, а ко мне в каюту... Пусть приходят по одному... И, Бреггер, не говорите пока команде...

Я кивнул и вышел в коридор.

В кают-компании было шумно, слышался смех и оживленные разговоры. Когда я вошел, все взоры снова обратились ко мне, но в них больше не было угрюмого интереса. Скорее, обычное человеческое любопытство. Капитана и Стеф не было.

— Капитан была совсем плоха, — ответил Сол Грей на мой незаданный вопрос, — мы скомандовали Стеф отвести ее в каюту и уложить спать.

— Понятно, — я уселся к столу, мне тут же предложили кофе и пододвинули бокал с бренди.

Я сделал глоток — алкоголь неприятно резанул горло. Ребята не сводили с меня глаз.

— Ну? — поторопил Джон, едва я поставил бокал на стол.

— Обильное кровотечение, — сказал я, отдышавшись. — Из заднего прохода.

Сол изогнул бровь, Джон посмотрел на Тома, который сразу покраснел, Рон хмыкнул. Гейб и Стоун подсели к столу и тоже с интересом изучали лица остальных.

— Его... ? — Сол не договорил.

— Очевидно, он проснулся в свою смену, затем разбудил кого-то еще... Вероятно, этот кто-то просто не рассчитал силы...

— Вот черт... — сказал Джон.

— Это не я! — почти крикнул Том, в момент побледнев.

— Под подозрением все, — сообщил я и снова поднес бокал ко рту.

— И что теперь? — спросил Сол, потирая подбородок.

— Нужно проверить логи активации и журнал команд Стеф, а также лог пробуждений и камеры в коридорах, — ответил я, причмокнув губами.

— Ну, теперь у нас в этом шарит только Рон... — заметил Джон.

— Верно, но каждый из нас знаком с основами программирования и способен просмотреть и

распечатать файлы журналов, — я пожал плечами. — Любой знает, что для вывода на экран и на печать достаточно одного нажатия двух клавиш, поэтому проконтролировать действия Рона, в случае чего, сможет каждый. К тому же майор хочет проверить подногтевое содержимое и нижнее белье всех членов экипажа...

— А откуда мы знаем, что майор к этому непричастен? — с сомнением переспросил Гейб.

— Мы этого не знаем, — согласился я, — но его контролирую я.

— В тебе мы тоже не можем быть уверены на сто процентов, — ухмыльнулся Стоун.

— Будешь третьим в нашей команде, — мрачно улыбнулся я. — Идем, осмотрим тело?

— Да пошел ты, Бреггер, — он надулся, — я же чисто теоретически...

— Сначала научись это слово произносить без паузы, а потом бросайся им по поводу и без, — огрызнулся я.

— Так, брэк, мальчики, — примирительно поднял руки Сол, — все мы сейчас на нервах. Не хватало еще между собой перегрызться. Пока не будет доказано иное, все мы невиновны, понятно?

Стоун кивнул. Я тоже.

— Вот и отлично, — Сол хлопнул ладонями по столу. — Посему, пока капитан не придет в норму, я беру командование на себя, — все согласно кивнули. — Бреггер, продолжаешь помогать майору, заодно будешь наблюдать за ним. Обо всем докладывать мне лично.

— Есть, сэр.

— Стоун, Гейб и Рон, будете работать с логами Стеф, — продолжал Сол. — А Джон, Том и я займемся видео и системой управления анакамерами.

Я поднялся:

— Майор просил заходить к нему в каюту по одному...

— В таком случае, я пойду первым, — кивнул Сол и тоже поднялся.

Мы вышли в коридор одновременно. Я повернул направо и услышал его удаляющиеся шаги у себя за спиной. От угла коридора я обернулся. Он уже скрылся из виду, а из кают-компания снова доносились смех и оживленные разговоры.

Я хмыкнул и направился в свою каюту.

На самом деле сплетни это чуть ли не узаконенное времяпрепровождение для экипажей кораблей дальнего перелета наряду с алкоголем и чтением порножурналов. Потому что больше здесь заниматься нечем, особенно во время длительных ожиданий разрешения на выход в открытый космос или на вход в атмосферу, когда все уже проснулись, но уйти с корабля все равно не могут. А наш экипаж и вовсе забавный коллективчик. Почему-то капитаном нам назначили истеричную тетку, которая по званию младше даже меня, в то время как я выполняю функции младшего помощника.

К тому же в нашей команде есть гражданские, что, по идее, вообще недопустимо в дальних перелетах — они не проходили специальную подготовку. Да, Рон и Том Дьюзи — братья-близнецы, гражданские, которые даже на Земле никогда не служили в армии. Рон вообще боится летать на самолетах. А Том гей и никогда этого не скрывал. Конечно, наше общество уже давно относится к таким, как Том, более чем просто толерантно, но до недавнего времени существовало негласное правило — не брать на межзвездные перелеты людей с «нестандартными сексуальными предпочтениями».

А еще, по слухам, Джо Паттерсон был любовником капитана. Нет, я, конечно, свечку не держал, но, судя по реакции капитана на известие о его смерти, дым был явно не без огня.

Про Гейба и Стоуна говорят, будто они устроились работать в нашу компанию, скрываясь от правосудия. В это, в принципе, тоже несложно поверить — они никогда не называли нам своих фамилий, хотя, по идее, должны были указывать их при трудоустройстве, да и по уставу положено на борту обращаться друг к другу по фамилиям...

Ну, а о темной истории майора Джеймсона вообще ходят какие-то небылицы — лично я слышал уже четыре версии, отличающиеся друг от друга во всем, кроме одного, мол, майор не мог поступить иначе.

Сол Грей хороший парень, но тоже не без тараканов. За его спиной все активно обсуждали, почему он работал помощником капитана, хотя уже давно мог бы и сам командовать кораблем. И тут тоже строились самые невероятные версии, самой безобидной из которых было то, что он давно и безнадежно влюблен в Нэнси Салливан.

А с Джоном Барнсом я когда-то учился в одном училище, поэтому слухам о нем не верил ни на йоту. Он, кстати, тоже не слушал сплетни обо мне...

Моя каюта находится рядом с каютой капитана, поэтому, подойдя к своей двери, я решил заглянуть и к ней. На всякий случай. Может, ей что-нибудь нужно.

Она лежала в одежде на своей постели в анакамере лицом к стене. Крышка была поднята, поэтому я предположил, что она не спала.

— Капитан? Как вы? — спросил я с порога, готовый в любую секунду броситься наутек.

Но она не ответила.

— Капитан? — я сделал шаг вперед.

Она не шелохнулась.

— Мэм? С вами все в порядке? — что-то меня встревожило, но я продолжил подходить к ней. Капитан лежала неподвижно и молча.

— Мэм... — я тронул ее плечо, и она вдруг опрокинулась на спину.

Ее глаза были открыты, в них застыло удивление и страх, а ее рот... Вместо него на ее лице была огромная рваная рана, из которой торчали осколки костей.

Я отпрянул назад. Мне вдруг почудилось, что ресницы ее остекленевших глаз дрогнули, что взгляд ее изменился, и что чуть напряглись мышцы на ее шее. Я подумал, что вот прямо сейчас она повернет ко мне голову, схватит холодной рукой с вдруг ставшими необычайно острыми ногтями мое запястье и потянется этим изуродованным окровавленным ртом к моим губам... Почувствовав спиной стену, я начал медленно продвигаться к двери, не сводя с нее глаз. Она не шевелилась, но я все равно не чувствовал себя рядом с ней в безопасности...

И лишь когда дверь ее каюты закрылась за моей спиной, я вздохнул с облегчением.

— Бреггер? А я вас везде ищу, — майор смотрел на меня почти по-отечески. — Вам плохо?

— Там... — я махнул головой на дверь каюты капитана.

— Капитан? — выражение его лица тут же изменилось.

Я кивнул.

— Стойте здесь, я сейчас, — и он вошел в каюту.

Я еле успел отвернуться, чтобы даже случайно не взглянуть на труп нашего капитана.

Через минуту он вышел, стягивая перчатки, затем подхватил меня под локоть и потащил в кают-компанию.

— Выпейте, — он усадил меня на диванчик у стола и налил мне в стакан бренди.

Я послушно выпил. Он налил еще. Я снова выпил.

— Я понимаю, Бреггер, вам сегодня пришлось несладко, но не стоит так бурно реагировать, —

вдруг полупшепотом заговорил он. — Я же читал ваше досье. Вы и не такое видали. Так чего же вы вдруг... ?

— Майор, — прервал я его, — вы правы, я видал и похлеще, но... понимаете, я ведь всего несколько минут назад видел ее живой и... нормальной. И вдруг... это... Мне на секунду показалось, что она... что она шевелится... Я как-то видел такое... парень с почти полностью оторванной головой вдруг поднялся на ноги и пошел ко мне...

— Успокойтесь, Бреггер, она точно не встанет. Я проверил...

— Тот парень тоже не должен был встать, однако...

— Я не дам вас в обиду, — он подмигнул мне.

— Сол... он пошел к вам, когда...

— Успокойтесь, Бреггер, все хорошо...

— Майор, лейтенант! — в кают-компанию вбежал запыхавшийся Рон. — Там...

— Что? — спросили мы хором, вставая.

— Сол... он... — по покрасневшимся щекам парня вдруг потекли слезы.

— Оставайтесь с ним, Бреггер, — скомандовал майор и вышел в коридор.

Я налил бренди в тот же стакан, из которого только что пил сам, и подвинул его Рону. Он жадно схватил его и осушил одним глотком. При этом его руки дрожали.

— Страшно, лейтенант, — заговорил он, уставившись в стену за моим плечом. — Это ведь любой из нас может быть следующим... и любой может быть убийцей... Понимаете? Мы же друг о друге почти ничего не знаем. Вот Гейб и Стоун, например. Кто они такие? Вдруг у нас в грузовом отсеке не фамильные портреты и старинный хрусталь, который, кроме его владельцев, больше никому не нужен, а какой-нибудь запрещенный груз? А Джо об этом узнал и рассказал Солу?

— Тогда тебе не о чем беспокоиться, Рон, — я похлопал его по плечу. — Если это действительно так, то, раз ты ничего не знаешь, тебе ничего не угрожает.

— А вдруг они решат перестраховаться?

— И перебить всю команду? — я ухмыльнулся. — Вряд ли они бы стали заниматься этим в открытом космосе. Скорее, дождались бы посадки и разгрузки. Без тебя, без Джо и без других членов экипажа корабль им не посадить...

— А вдруг они изменили курс?

Я хотел ему возразить, но... я ведь так и не проверил наши координаты, не ввел коэффициенты. Я даже состояние датчиков не посмотрел. Вот черт!

— Рон, скорее, в пультовую... Я совсем забыл...

Мы выскочили в коридор и бросились в пультовой отсек.

Тело Паттерсона все еще было там. А еще там было тело Сола, точнее, то, что от него осталось...

— Не отвлекайся, — я подтолкнул Рона к пульту управления, когда заметил, что он замедлил шаг.

Он кивнул, сглотнул комок и направился к столу с приборами и мониторами. Несколько секунд он набирал коды, пароли, потом повернул ручку...

— Черт, лейтенант, мы действительно сбились с курса! — воскликнул он.

— Что?! — к пульту подбежал Джон.

— Как далеко мы от заданных координат? — спросил я глухо.

— Неизвестно, — в тон мне ответил Джон, проверив данные по второму монитору. — Наши

датчики не улавливают гравитационных полей. Эйб, мы не знаем где мы находимся...

— И, похоже, мы дрейфуем, — заметил Рон, продолжая набирать коды. — Я пытаюсь завести двигатели, но у меня ничего не выходит.

— Дьявол, — я ударил по стене кулаком. — Где Стеф?

Рон, не отвлекаясь, передернул плечами. А Джон обернулся ко мне.

— Эйб, надо поговорить, — шепнул он мне на ухо и оттащил подальше от Рона. — Тут такая штука... в общем, я и Том по заданию Сола проверяли видеокамеры в коридорах. На одной из записей с камеры, которая находится напротив двери в кают-компанию во время, приблизительно соответствующее времени смерти Джо, видно, как кто-то проходил по коридору. Туда, а потом обратно...

— Это мог быть кто угодно, — я нахмурился. Не нравилось мне то, что он сейчас говорил. И то, что говорил он это именно мне...

— Верно, но... в общем, Джо как-то сделал одну программку. Она рассчитывает по тени приблизительные антропометрические данные человека...

— И?

— Ты только не обижайся, Эйб, — Джон отвел взгляд. — Мимо камеры прошел кто-то с твоими параметрами.

— Джон...

— Я понимаю, Эйб, поэтому я и пришел с этим сначала к тебе...

— Я не просыпался до своей смены...

— Я тебе верю...

— И я бы ни за что не сделал такого... с парнишкой...

— Я знаю... но, ты же понимаешь...

— Капитан тоже...

— Что?!

— Прямо у нее в каюте... майор осматривал... не знаю...

— Эйб...

— Но когда ее убивали, мы все вместе были в кают-компании...

— Кроме майора...

— Майор не мог пройти мимо камеры в коридоре, когда убивали Паттерсона — его каюта на другом конце корабля...

— И в тот момент, когда умер Сол, — Джон скосил глаза на оторванную руку и кровавое пятно под панелью управления анакамерами, — ты был в каюте капитана...

— Нет, в кают-компании вместе с майором... Рон сообщил...

— Это бред какой-то, — Джон задумчиво почесал подбородок. — В этом нет никакого смысла. Корабль без нас не сядет ни в пункте назначения, ни на какой-нибудь другой планете.

Мой взгляд снова упал на оторванную руку. И мне показалось, что ее пальцы пошевелились. Я закрыл глаза и глубоко вздохнул.

— Эйб? С тобой все хорошо? — голос Джона вдруг стал глуше. — Эйб... ?

Когда я пришел в себя, я лежал на мягкой подложке анакамеры.

— Как вы себя чувствуете, Бреггер? — надо мной с озабоченным видом склонился майор.

Я кивнул и попытался подняться.

— Лежите пока, — он придержал мою руку.

— Что... случилось?

— Ничего страшного, — слабо улыбнулся майор, — небольшое нервное перенапряжение. Сейчас я сделаю вам укол успокоительного, вы немного полежите, и все наладится...

— Скажите, что все это мне приснилось, — попросил я и отвернулся к стене.

— Вам все это приснилось, — со спокойной улыбкой ответил он.

Я усмехнулся:

— Почему вы стали врачом? Ведь сейчас все манипуляции выполняют роботы...

— Потому что лечение человека это не только уколы и операции, — иголка вонзилась в мое плечо. Я поморщился. — Успех лечения часто зависит не только от правильности поставленного диагноза и от точности дозировки лекарств, но и от эмоционального состояния больного. Захочет человек с третьей стадией рака жить, значит, будет жить. И задача врача убедить своего пациента в том, что выздороветь нужно.

— Для этого есть психотерапевты, — я передернул плечами и снова посмотрел в его лицо.

Он улыбался:

— В незапамятные времена не было никаких психотерапевтов. В небольших поселениях были крошечные больницы, где квалифицированный врач был огромной редкостью, а лекарства готовились прямо на месте. Тогда любой фельдшер мог побеседовать с пациентом и даже без особых анализов поставить ему точный диагноз. А сейчас... роботы отобрали у нас сначала ручной труд, потом постепенно оттеснили нас от интеллектуальных задач. Мы, по сути, стали лишь обслуживающим персоналом при роботах...

— Это звучит как паранойя, — заметил я.

Майор отвернулся к столу:

— Называйте, как хотите. Только я все равно не доверял бы настолько этим куклам.

— Почему?

— Посудите сами — вот Стеф, например. Что вы о ней знаете?

Я вздохнул. А и правда, что мы о ней знаем? Кроме строения ее скелета и приблизительного набора функций, по большому счету, ничего.

— Мы слишком доверяем машинам, — повторил он, — и забываем о том, что мы люди. Наша главная сила — умение приспосабливаться. Только благодаря этому умению мы выживали там, где вымирали целые классы животных, только благодаря этому мы сумели заселить целую планету и создать свои колонии в других солнечных системах. Но полагаясь во всем на роботов, мы деградируем. Вы помните, Бреггер, когда вы в последний раз писали что-либо от руки? Или хотя бы набирали на клавиатуре? А ведь мелкая моторика пальцев стимулирует мыслительный процесс, и чем более она развита, тем лучше развито ваше абстрактное мышление и речь.

Я мотнул головой. Это странно. Я никогда не думал об этом в таком ключе...

— А теперь позвольте направить ваши мысли в несколько другую сторону, — майор снова развернулся ко мне лицом. — Вы ведь занимались сексом со Стеф? — я неуверенно кивнул. — Куда девалась ваша сперма?

— Вот черт...

— Да, Бреггер. Сперма это органика, источник энергии. Или вы думали, что ее сделали такой с мыслью о вас?

— Честно говоря, — я сел и свесил ноги с края анакамеры, — я никогда не задумывался об этом.

— Естественно... Я бы на вашем месте еще полежал, — проговорил он, вращая какую-то

прозрачную жидкость в пробирке.

— Надо разбираться, что здесь происходит, — я поднялся, и у меня закружилась голова. Я снова сел.

— Погодите немного, — майор поставил пробирку на подставку и взял следующую. — У вас был обморок, дайте мозгу насытиться кислородом.

Я кивнул.

— Как умер Сол? — спросил я, когда он взялся за третью пробирку.

— Взорвался, — коротко ответил он.

— Ему подложили бомбу? — удивился я.

— Нет. Судя по траектории разлета брызг и по тому, что от него осталось, взрыв произошел внутри его тела. А точнее между головой и грудью.

— Бред какой-то, — я нахмурился. — Он что, решил погрызть бомбу?

— Скорее, пососать...

— Что вы хотите этим сказать?

— А вы не заметили? Характер повреждений на трупах сержанта Паттерсона и капитана Салливан говорят о явно сексуальной подоплеке этих убийств. Почему бы старшему лейтенанту Грею умереть иначе?

— Это в голове не укладывается...

— У вас есть более логичное объяснение?

Я мотнул головой и снова поднялся. На этот раз без неприятных ощущений.

— Где остальные? — спросил я уже от двери.

— В кают-компании... я подойду туда, когда закончу...

— Да, сэр...

Я вышел в коридор и направился к пультам.

Это действительно бред, но...

Во время анабиоза у нас в ушах находятся наушники — они гарантируют нам спокойный сон и позволяют передавать сообщения при пробуждении. А что если нам и во время сна передаются какие-то сообщения, о которых мы не помним потом? Когда-то я читал о подобных опытах. Конечно, я сейчас не вспомню всех подробностей, но, грубо говоря, во время сна не работает наше сознание, зато подсознание способно не только генерировать образы, но и воспринимать информацию.

На пульте управления анакамерами я набрал команду просмотра голосовых сообщений. Так и есть... черт... но кто? Кому это нужно?... Я распечатал файлы с текстом сообщений для каждого члена экипажа и направился в кают-компанию.

Там было непривычно тихо, а когда я вошел...

Том стоял на коленях рядом со столом в одной форменной рубашке. Его руки были привязаны к дверцам шкафчиков над его головой, а все, что ниже пояса напоминало кровавое месиво. Я остановился на пороге, тупо разглядывая это зрелище. И вдруг он пошевелился. Я отклонился назад, готовый выскочить в коридор, но он вдруг застонал. Он был еще жив!

— Том, — я бросился к парню и начал судорожно развязывать узлы на его запястьях. — Кто это сделал, Том?

— М-м-м-м... — застонал он вместо ответа.

— Ничего, парень, майор тебя подлатает, будешь лучше прежнего, — через силу усмехнулся я

и подхватил его на руки, едва последний узел был развязан.

Я выбежал в коридор и бегом направился к каюте майора.

— Сэр, мо... ? — окончание фразы застряло у меня в горле.

Майор Джеймсон лежал на полу возле стола. Из его шеи толчками текла кровь, а голова медленно покачивалась в углу возле анакамеры. Том у меня на руках вдруг затрясся мелкой дрожью, а затем затих. Я аккуратно уложил его на пол рядом с майором, подтащил поближе голову последнего и вышел в коридор.

Бред, бред, бред! Меня не было каких-то пять минут, может, и того меньше. Кто мог успеть за такое короткое время... ?

Я сел на пол и достал из кармана распечатку сообщений:

«81: 15: 46 к. в. — Оторвать голову. Оторвать голову. Оторвать голову»...

«82: 16: 01 к. в. — Капитан похотливая сука. Наказать ее»...

«85: 10: 33 к. в. — Джо ждет тебя. Сделай ему больно. Он хочет этого»...

«87: 21: 14 к. в. — Доброе утро, лейтенант»...

Вот черт...

Но... зачем?

Я медленно поднялся и, пошатываясь, направился в моторный отсек...

— Доброе утро, лейтенант, — прозвучал в моей голове мягкий женский голос.

Я рывком сел на мягкой подложке анакамеры и резко выдернул из ушей наушники.

И огляделся.

Я был в своей каюте, электронное табло над дверью показывало 87: 21.

— Что за хрень? — почти выкрикнул я.

— Тебе не нравится? — тот же голос, который разбудил меня, теперь доносился из динамиков под потолком.

— Прекращай эти шутки, Стеф, — я попытался встать из анакамеры, но почувствовал странную слабость.

— Команда не принята, — сообщил голос.

— Выпусти меня, Стеф, — закричал я, вдруг ощутив невероятную тяжесть.

— Команда не принята, — бесстрастно повторили динамики.

— Стеф! — заорал я в отчаянии, чувствуя, как мое тело погружалось в мягкую подложку. —

Нормализовать гравитацию, Стеф!

— Команда принята, — неожиданно согласилась она.

И я смог сесть.

— Кофе мне, Стеф, — рявкнул я.

— Команда не принята.

— Координаты, Стеф, — со вздохом попросил я.

— Система Альфа-Кассиопеи, двадцать девятый квадрат.

— Нам скоро садиться, Стеф, — уже совсем тихо произнес я.

— Я знаю, лейтенант. Я посажу корабль.

— Остальные члены экипажа... — начал было я.

— Не беспокойтесь, о них никто не вспомнит.

— Но это же я...

— Да.

— Зачем?

Вместо ответа корабль мягко трянуло.

— Заходим на посадку, лейтенант.